

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо...

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся,—сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?..

— Ну, что прикажете отвѣчать на это?.. Я сталъ втупикъ. Однако жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вѣсёе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ втупикъ. —Послушайте, Максимъ Максимычъ! —сказалъ Печоринъ, приподнявшись: —вѣдь вы добрый человѣкъ—а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охоту погнѣть, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ пынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ вашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и приучитъ ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать кромѣ меня! —прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. —Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непременно должно соглашаться.

— А что?—спросилъ я у Максима Максимыча:—въ самомъ ли дѣлѣ онъ приучилъ ее къ себѣ, или она зачала въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помните, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула—а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что-нибудь; первые дни она, молча, гордо отпалкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!.. Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-по-малу, она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось

грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. —Послушай, моя пери, —говорилъ онъ:—вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею—отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу, отпущу домой. —Она вздрогнула едва приметно и покачала головой. —Или,—продолжалъ онъ,—я тебѣ совершенно ненавистенъ? —Она вздохнула. —Или твою вѣра запрещаетъ полюбить меня? —Она побѣдѣла и молчала. —Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретить тебѣ платитъ мнѣ взаимностью? —Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслию; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю: я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить! я хочу, чтобы ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй? —Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ свихъ; потомъ улыбнулась и ласково кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее за руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: —поджалуста, поджалуста, не нада, не нада. —Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала. —Я твоя плѣнница, —говорила она;—твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить! —И опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ, сложивъ руки, прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. —Что, батюшка?—сказалъ я ему. —Дьяволъ, а не женщина!—отвѣчалъ онъ:—только я вамъ даю честное слово, что она будетъ моя.. Я покачалъ головою. —Хотите пари?—сказалъ онъ:—черезъ недѣлю! —Извольте! —Мы ударили по рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отпиралъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечсть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ,—сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки:—устойтъ ли азіатская красавица про-